

в романе и в истории» — жизнь религиозных сект, староверов и т. д. Такая установка вполне соответствовала культурно-просветительским задачам, которые ставил перед собой журнал «Revue des Deux Mondes», полагавший своей главной целью расширение культурного горизонта французов, их ознакомление с «другим миром», установлениями, правами, политической и культурной жизнью других стран и народов. В достижение этой цели свой посильный вклад внес Ипполит Делаво.

В целом отношение Делаво, как и журнала, сотрудником которого он являлся, к России заинтересованно-благожелательное. Он видит в России страну в состоянии трансфера, переходящую к реформам, вставшую на путь постепенной либерализации. Борьба нового со старым — постоянный мотив статей Делаво.

В некотором смысле Делаво выступает предтечей де Вогюэ и его знаменитой книги «Русский роман» (1886). Для Делаво данное им в статьях описание современной русской литературы, ее наиболее значимых, с его точки зрения, фигур и течений — это всего лишь инструмент изучения «общих тенденций русского народа» («les tendances générales du peuple russe»).⁵⁰ Вогюэ в своих статьях в «Revue des Deux Mondes» с большим успехом, чем его предшественник, продолжит на материале русской литературы исследование нравственного состояния русского общества, а также пресловутых «l'esprit russe», «le génie russe». Правда, в интерпретации Вогюэ они приобретут некую таинственность, которой в них не ощущал Делаво, превратятся в «загадочную русскую душу».

⁵⁰ Ibid. P. 834.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-112-117

© Е. М. Филиппова

ОБ ИСТОЧНИКАХ ОБРАЗА ВОЛКА-НИГИЛИСТА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

Исследователи творчества И. А. Гончарова неоднократно обращали внимание на символическую насыщенность последнего из его романов,¹ не характерную для поэтики XIX века и сближающую «Обрыв» с произведениями более позднего времени.² Особую роль играет в книге анималистическая образность (речь идет о сопоставлении или уподоблении человека и животного). Ее значимость, с одной стороны, свидетельствует, что писатель интересовался актуальной в 1840–1860-х годах позитивистской полемикой о соотношении духовного и животного начал в человеке,³ с другой же, позволяет увидеть в романе определенные признаки «антинигилистического» жанра:⁴ «...анималистические параллели уместны в антинигилистическом романе, в содер-

¹ См. об этом, например: Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962. С. 155–156.

² Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997. С. 358.

³ Материалы цензурной деятельности Гончарова подтверждают его знакомство с журналом «Русское слово», популяризовавшим идеи позитивизма в России. По мнению В. И. Мельника, «романист и сам видит в человеке еще очень много „звериного“, но, в отличие от позитивистов, не просто констатирует этот факт, а дает ему соответствующую оценку, показывает борьбу „звериного“ и „духовного“ в человеке и надеется на „очеловечение“ человека. На этой надежде основывается вся этическая концепция Гончарова, начиная с произведений 40-х гг.» (Мельник В. И. Этический идеал И. А. Гончарова. Киев, 1991. С. 87).

⁴ Гродецкая А. Г. Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в «Обрыве» // Пушкинские чтения — 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 159.

жании которого стержневым является философский спор о природе человека: человек — животное или человек — храм Божий».⁵

Тем не менее тот факт, что «зооморфная» символика свойственна в той или иной степени большинству произведений Гончарова,⁶ подтверждает, что анимализм в «Обрыве» — не только отражение идей позитивизма или следование традициям жанра. Детальное изучение его происхождения требует также обращения к другим областям, например мифопоэтике и компаративистике.

Отдельную проблему составляет поиск источников образа нигилиста-волка — Марка Волохова. На протяжении книги сравнение Марка с волком используется восемь раз.⁷ Первый раз сопоставление неявно подается в сцене разговора с Верой. Намекая на тайную губительную страсть героини, Райский произносит: «...дети тоже не боятся, и на угрозы няньки „волком“ храбро лепечут: „А я его убью!“ И ты, как дитя, храбра и, как дитя же, будешь беспомощна, когда придет твой час...».⁸ Затем, во время свидания с Марком, Вера, словно повторяя прозвучавшую аналогию, снова уподобляет Волохова хищнику из басни «Волк и журавль»: «Как волк оценил услугу журавля. Ну что бы сказать ему „спасибо“ от души, просто, как он просто сделал? Прямой вы волк! — заключила она, замахнувшись ласково зонтиком на него. — Все отрицать, поирать, коситься на всех...» (VII, 523). Вновь ассоциативный ряд «страсть — Марк — волк» возникает в диалоге с Борисом: «Настоящий волк! как ни корми, все к лесу глядит!» (VII, 577).

Легко заметить, что перечисленные выше случаи упоминания волка так или иначе ориентированы на его фольклорный архетип, писатель активно использует и переосмысливает сказочные мотивы, пословицы. Не будем отдельно останавливаться на их анализе, так как подробно мифопоэтические функции волчьего образа в сюжете «Обрыва» рассмотрены в статье А. Г. Гродецкой «Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в „Обрыве“».⁹ Вне внимания остается, пожалуй, только мотив волчьего голода¹⁰ Марка, раз за разом подталкивающий героя переступить запретную грань (и в прямом, и в переносном смысле) — будь то забор сада или порог закрытого трактира.¹¹

Сравнительно-типологический подход к изучению анимализма Волохова применяет В. А. Недзвецкий в работе, посвященной сопоставлению «Обрыва» с романом Жюль Верн «Мопра». Прослеживая сходство двух названных романов, исследователь отмечает параллелизм их сюжетов и героев: «Марк Волохов, сравниваемый автором „Обрыва“ с волком и библейским разбойником Варравой, „восходит“ к сандовскому Бернару де Мопра, ремеслом которого до встречи с главной героиней романа был и впрямь разбой, хотя и невольный, а руководившие его поведением инстинкты сам герой называет волчьими. „Разбойником“, „дикарем“ и „мужланом“ остается он в глазах некоторых лиц произведения и после встречи с Эдме».¹²

Е. В. Уба, рассматривая характеристики персонажей только в русле поэтики Гончарова, приходит к выводу о том, что к сопоставлению своих героев с животными

⁵ Старыгина Н. Н. Демонические знаки в антинигилистическом романе как выражение авторской ценностно-мировоззренческой позиции // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 209.

⁶ См. об этом, например: Ларин С. А. Семантическая структура романа «Обломов» в контексте творчества И. А. Гончарова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. С. 3.

⁷ Реже встречаются также сравнения со зверем и собакой.

⁸ Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. VII. С. 413. Далее ссылки на этот том приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

⁹ Гродецкая А. Г. Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в «Обрыве». С. 156–162.

¹⁰ «Волк есть символ злости, прожорливости, жадности...» (Лакиер А. Б. Русская геральдика. СПб., 1855. С. 40).

¹¹ Вечный голод Марка замечает Вера, сравнивая Волохова с семинаристами: «Они неопрятны, бедно одеты, всегда голодны...» (VII, 520).

¹² Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров и Жюль Верн («Обрыв» и «Мопра») // И. А. Гончаров. Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 210.

образами писатель прибегает тогда, когда «они — вольно или невольно — нарушают этические нормы, когда страсти, необузданные и пагубные, берут верх над разумом...».¹³ В таком ключе образ волка в художественной системе Гончарова может быть рассмотрен как устойчивый символ чрезмерности. Так, прозвищем «волчонок» в «Обрыве» наделен вполне «безобидный», но эмоционально экзальтированный персонаж — Николай Викентьев: «Этот вечный спор шел с утра до вечера между ними, с промежутками громкого смеха. <...> Любовь его к матери наружно выражалась также бурно и неистово, до экстаза. В припадке нежности он вдруг бросится к ней, обеими руками обовьет шею и ослепит горячими поцелуями: тут уже между ними произойдет буквально драка. Она ловит его за уши, дерет, щиплет за щеки, отталкивает, наконец кликнет толсторуку и толстобедрую ключницу Мавру и велит оттащить прочь „волчонка“» (VII, 281).

Отдельно следует указать на значимость волчьей аллегорикой в литературно-философском дискурсе. «Обрыв», несомненно, остается актуальным в русле полемики о «новых людях», развернутой в прозе и публицистике 1860-х годов. По мнению К. Ю. Зубкова, споры о нигилизме романист воспроизводит «на языковом уровне», используя определенные «слова-сигналы», устойчивые выражения, научные термины и метафоры.¹⁴ Не составляют исключения в том числе и анималистические черты героев: сравнение нигилистов с хищными животными распространено в ранних антинигилистических романах.¹⁵ Уподобление носителя новых идей волку ставит «Обрыв» в один ряд с произведениями авторов, обращавшихся к схожим сравнениям. Среди них можно назвать романы Н. С. Лескова «Некуда» (1864), В. А. Ключникова «Марено» (1864), М. В. Авдеева «Меж двух огней» (1868), Б. М. Маркевича «Бездна» (1883–1884).¹⁶

Не стоит, однако, забывать, что работа над «Обрывом», завершенным в 1869 году, длилась около двадцати лет (первоначальный замысел романа сложился у Гончарова еще в конце 1840-х годов), а формирование нигилизма как отдельного культурного феномена русского общества условно можно отнести к концу 1850-х — началу 1860-х. Н. Н. Страхов в статье «Слово и дело» (1863) с иронией замечает, что «нигилизм <...> едва ли существует, хотя нет никакого сомнения, что существуют нигилисты».¹⁷

Таким образом, очевидно, что Марк не мог задумываться как тип «нового человека». Сам писатель указывает на этот факт.¹⁸ В «Предисловии к роману „Обрыв“» он сообщает, что фигура Волохова «не входила собственно в задачу романа и не составляла вовсе заметного в программе лица, а оставалась на третьем плане, в тени. Она нужна была, как вводное лицо, для полной обрисовки личности Веры».¹⁹ Ранее, в переписке с Е. П. Майковой, Гончаров также подчеркивает, что «почти единственная цель в романе — есть рисовка жизни, простой, вседневной, как она есть или была, и Марк попал туда случайно», а «Марк во 2-й части — не то, что он в 3-й, 4-й и 5-й, он <...> вышел сшитым из двух половин, из которых одна относится к глубокой древности, до 50-х годов, а другая — позднее, когда стали нарождаться новые люди. Первоначальный Марк задуман был как враг старого порядка <...>, но таким пока врагом, который протест свой против старой дури, своеволия и прочее выражает, рисуя карикатуры, травя собаками полицию и вообще преследуя грубо и цинически, что ему не

¹³ Уба Е. В. Поэтика имени в романной трилогии И. А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»). Дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005. С. 140.

¹⁴ Зубков К. Ю. Слова-сигналы нигилизма и «Обрыв» И. А. Гончарова // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 25–39.

¹⁵ Базанов В. Г. Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, 1941. С. 52–53.

¹⁶ Зубков К. Ю. Слова-сигналы нигилизма и «Обрыв» И. А. Гончарова. С. 32.

¹⁷ Страхов Н. Н. «Слово и дело» // Время. 1863. № 1. Разд. V. Современное обозрение. С. 169.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Гродецкая А. Г. «Случайный» нигилист Марк Волохов и его словесная геральдика // Русская литература. 2015. № 3. С. 5–38.

¹⁹ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 145.

нравится». ²⁰ Вместе с тем романист осознает, что образ Волохова, совмещающий в себе старое и новое, может быть не понят читателями, так как «едва ли в современном поколении найдется такое резкое выражение крайностей», а «новая жизнь очень нова и молода», она «еще складывается», а «люди не успели повториться во стольких экземплярах одного направления, воспитания, идей, понятий, чтобы образовать группу так называемых типов, они тоже живут, так сказать, „в теории“ и в „области мышления“, следовательно, около них не успела устояться известная сфера нравов, быта». ²¹ Попытка типологизировать, свести в одном персонаже устоявшееся и зарождающееся действительно привела к тому, что Марк потерял свою узнаваемость: в статье «Образ нигилиста у Гончарова» (1928) В. Ф. Переверзев рассматривал «нигилизм Волохова», «нигилизм русского радикала» и «нигилизм русских новых людей» как совершенно несоотносимые вещи. ²²

Итак, из предисловия «Обрыва» мы уже знаем, что частично фигура Марка была задумана писателем в 1850-х годах. Момент изменения ее замысла тоже датируется Гончаровым очень точно: «В 1862 году, когда я ездил вновь по Волге, прожил лето на родине, был в Москве, мне уже ясно определилось это лицо». ²³ Тем не менее есть свидетельства, которые позволяют предположить, что первое представление о носителе новых идей Гончаров мог получить еще до 1862 года, в Петербурге, общаясь с семьей Майковых. Сохранившаяся переписка младшего из Майковых (Леонида) и его друзей подтверждает, что среди учащихся Санкт-Петербургского Императорского университета была группа радикально настроенных студентов, прозванных «волками». Приведем небольшой отрывок из письма от 14/26 апреля 1862 года, адресованного неизвестному товарищу по университету. Оценивая недавно вышедший роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», Леонид сообщает: «Он <Тургенев. — Е. Ф.> метил на красных <т. е. радикалов. — Е. Ф.> и дал почувствовать, что они более или менее подлецы: да разве это правда? Они могут иметь ложные убеждения, но, несмотря на примеры Писарева, Чернышевского и пр<очих>, я никогда не поверю, чтобы они были ближе к подлости, чем к честному поступку. А военная молодежь? И многие из тех, которые в университете назывались *волками*?» ²⁴

Ответное письмо (предположительно, автором является А. М. Скабичевский) ²⁵ содержит воспоминания о двух видах «скептиков» в университетской среде и их подробный анализ. Если первые («умеренные») терпимы и способны к сомнению, то вторые («радикалы») не имеют убеждений, нравственных норм и ориентированы лишь на удовлетворение собственных мелких прихотей: «Я решительно не согласен с твоими мыслями об „Отцах и детях“, о Базарове и о нас применительно к Базарову. — В твоих словах есть доля правды, что в нашем новом поколении есть много левых новых начал,

²⁰ Там же. С. 401.

²¹ Там же. С. 147, 161.

²² Переверзев В. Ф. Образ нигилиста у Гончарова // Литература и марксизм. 1928. № 1. С. 57–61.

²³ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 92.

²⁴ ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. № 59. Л. 2 об. Курсив мой. — Е. Ф.

²⁵ На левом поле пятого листа письма, датированного 25 апреля 1862 года, на обороте, имеется поперечная приписка: «Поздравь меня с новорожденною племянницею». По всей видимости, имеется в виду новорожденная племянница А. М. Скабичевского — Любовь Модестовна Малышницкая, появившаяся на свет 20 апреля 1862 года (ЦИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 842. Л. 210). В метрических книгах церкви Александра Невского при Правительствующем Сенате также сохранилась дата венчания Елены Михайловны Скабичевской и надзирателя 2-го квартала Петербургской части, капитана Модеста Ивановича Малышницкого — 30 апреля 1861 года. На момент вступления в брак невесте было 17 лет, а жениху 34 года (Там же. Д. 786. Л. 40). Скабичевский считал брак сестры вынужденным, так как после ее выпуска из института семья находилась в тяжелом материальном положении: отец вышел в отставку и получал скромную пенсию в 14 рублей, а доходы только что окончившего университет Александра Михайловича не превышали 50-ти рублей в месяц — «...немудрено, что сестра поспешила выйти замуж за первого посватавшегося жениха, за которого, вероятно, не пошла бы, если бы обстоятельства наши были хоть сколько-нибудь лучше...» (Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1923. С. 175).

каких не было в старом; старое поколение хотя и думало иногда, что оно имеет убеждения, но убеждения эти были по большей части привитые, заимствованные, люди брали их на веру, не сличали с ними жизни и действительных фактов и жили, спустя рукава, руководствуясь более чувством, чем умом. — Новое поколение не берет ничего на веру, не дает простора чувству и разбирает умом явления жизни, не спеша подвести их под заранее составленные убеждения. Это новое направление анализа и скептицизма ты очень метко подметил, но ты забыл, что в этом направлении есть два слоя, заметно отличающиеся один от другого в настоящее время: 1) умеренные скептики и 2) радикалы; как тех, так и других порядочно размножается в последнее время, и ни те, ни другие не составляют уже какого-нибудь исключительного явления. Кружок наш²⁶ я причисляю к умеренным скептикам. Умеренные скептики не кричат, не выставляют, не рисуются. Они анализируют, они во многом сомневаются, но сомнений своих они не доводят до всеуничтожения. Они способны к вере, не стыдятся чувства (не сами ты, причисляющий себя к нигилистам, говорил, что пора нам восстанавливать, что сожигали), они не спешат составлять себе убеждений, но в них нет недостатка в творчестве, сомнения не поглотили в них потребности суждения, и во имя этой потребности, если они путем анализа доходят до какого-нибудь убеждения, то они при всем их анализе и сомнении способны быть идеалистами в преследовании этого убеждения. Но главное их неотъемлемое достоинство — терпимость. Во имя терпимости они прощают многое, что вовсе не согласно с их мнениями; они не оскорбят дерзким самонадеянным спором своих родителей-стариков, не станут глумиться над их святым чувством, не оттолкнут родительских объятий грубою холодностью и не ответят смехом на горькие слезы матери. Совсем другое представляют радикалы. Всеотвергающие, над всем смеющиеся, они простерли свои сомнения до того, что все разрушили в себе до основания, у них нет ни чувства, ни убеждений, ничего святого, никакой основы, никакого творчества; при всем своем анализе в жизни они очень шатки и по большей части несостоятельны, и понятно почему: анализировать и сомневаться очень легко, сделать что-нибудь доброе — трудно, но путем сомнений они доходят до того, что считают совершенно бесполезным сделать это доброе, а не имея никаких нравственных оснований, путем анализа они доходят до того, что не прочь иногда учинить какую-нибудь пакость, им ничего не значит при всей их ненависти к аристократизму жить даром в доме богача; они оправдают себя какими-нибудь идеями коммунизма и, вкушая сладкие яства богача, будут в то же время на основании независимости личных убеждений поносить его в глаза и заочно, смеяться над ним, а на основании эманципации женщин или права индивидуального наслаждения обольстят его жену или любовницу. Таковы все партизаны „Современника“, шулеры Некрасовы, грабители Панаевы,²⁷

²⁶ Речь, очевидно, идет о т. н. «филологическом кружке», сформировавшемся в студенческие годы и состоявшем из восьми человек: Д. И. Писарев, Л. Н. Майков, Е. Е. Замысловский (впоследствии историк), В. В. Макушев (славист), П. Н. Полевой (журналист, беллетрист, историк литературы), Ф. Ф. Ордин (адвокат), Н. А. Трескин (педагог) и сам А. М. Скабичевский. Помимо «Литературных воспоминаний» (с. 111), кружок упоминается также Писаревым в статье «Наша университетская наука» (1863). Члены этого сообщества поддерживали дружеские отношения и некоторое время после окончания Л. Н. Майковым университета в 1860 году. Первым вышел из него Писарев, став сотрудником «Русского слова» (Скабичевский А. М. Письмо к Л. Н. Майкову / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 189). Скабичевский и Майков перестали общаться в 1866 году (подробнее см.: Там же).

²⁷ Характеристика «шулер» связана с приверженностью Некрасова азартным играм и редкой удачливостью в них (Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. С. 258–260). В целом, негативная оценка Некрасова и Панаева в письме относится, вероятно, к делу об имении Н. П. Огарева. В 1849 году М. Л. Огарева предъявила своему мужу иск об оплате выданных ей векселей на 85 815 рублей серебром. Процесс длился до весны 1851 года. А. Я. Панаевой, представлявшей интересы Марии Львовны в суде, удалось добиться успеха (см.: Деметьев А. Г. К истории «огаревского дела» (неизвестные письма А. Я. Панаевой) // Вопросы литературы. 1979. № 11. С. 238–239). На имение Огарева был наложен арест. По договоренности с супругой Огарева поместье должно было быть продано в течение следующих двух лет, однако ни сам осужденный, ни его бывшая жена причитающихся от продажи средств не получили. Предполагается,

беззаветно наслаждающийся за карточным столом Писарев,²⁸ когда нужда и горе стучится в дверь его семьи. Они больше всех задают крику о себе, по всей матушке России; рисуясь и кривляясь, самохвально величают они себя передовыми людьми, прогрессистами, в себе одних видят спасение России. Очень понятно, что эти Чернышевские, [Базар<овы>] Добролюбовы и прочая братия могли [попасться] бросаться в глаза Тургенева...».²⁹

Завершается письмо также рассуждениями о «волках» и сравнением их с типом Базарова: «...Базаров не есть карикатура; Базаров один из типов современной жизни, весьма метко схваченный, изображенный весьма художественно и глубоко прочувствованный. Уж мы не будем брать таких крупных представителей базаровщины, как-то Некрасовы, Чернышевские, Писаревы, вспомни о тех многих и многих студентах, которых мы встречали в коридорах университета, и тех так называемых *волках*, красных, с которыми трудно было и заговорить без того, чтобы не встретить на их устах саркастической базаровской улыбки, которые в последнее время начали носить тулупы вместо шинелей, штаны прятать в сапоги и которых коробило при взгляде на белую жилетку или при звуках французского языка. Сколько в каждом из них Базаровского, подумай только».³⁰ Схожая типология скептиков нового поколения и упоминание о «волках» встречаются и в университетских воспоминаниях Скабичевского: «...в студенческом движении участвовали лишь две партии: умеренный центр и крайние левые, которых прозывали „волками“. Умеренные желали мирно и спокойно пользоваться дарованными студентам вольностями, по возможности избегать шума и относиться к началству не с настойчивыми требованиями, а с почтительными просьбами. Волки же, щеголяя, нарочно в пик беложилетникам, всклокоченными волосами³¹ и ветхими, никогда не чищенными сюртуками, являлись представителями самых радикальных требований, любителями крутых мер и скандальных демонстраций».³²

Подводя итог вышесказанному, можно с осторожностью говорить о том, что Гончаров, на протяжении всей жизни поддерживавший дружеские отношения с семьей Майковых, мог знать о существовании в стенах Петербургского университета радикально настроенных студенческих течений, называемых «волками». Однако достоверных подтверждений этому нет: Скабичевский, также посетивший несколько собраний литературного салона, характеризует автора «Обрыва» как человека замкнутого и мало сближающегося с молодежью.³³ Тем не менее такое совпадение кажется любопытным, и нельзя полностью исключать, что образ волка-нигилиста у Гончарова, помимо перечисленных мифопоэтических, типологических и литературно-философских оснований, имеет вполне определенные биографические предпосылки.

что они были частично растрчены самой Панаевой. Дело получило широкий общественный резонанс. Некрасов, принявший на себя вину, подвергся ostracismu среди друзей и знакомых — «вором и подлецом» называет его в своей переписке Герцен (*Герцен А. И. Собр. соч.*: В 30 т. М., 1963. Т. 27. Письма 1860–1864 годов. Кн. 1. С. 149). Личное знакомство Скабичевского и Некрасова произошло весной 1866 года, когда критик был приглашен в «Современник» для написания рецензий по беллетристике (*Скабичевский А. М. Литературные воспоминания*. С. 295).

²⁸ О собственной расточительности упоминает Писарев в письме к матери от первой декады сентября 1861 года: «...было бы, конечно, изящнее с моей стороны, если бы вместо того, чтобы разбрасывать деньги, я ими помогал семейству, как это делает, напр(имер), Трескин. Но у меня нет этого влечения...» (*Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем*: В 12 т. М., 2012. Т. 11. Письма, 1851–1868. С. 212).

²⁹ ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. № 59. Л. 4–5.

³⁰ Там же. Л. 5 об. Курсив мой. — Е. Ф.

³¹ Эта портретная характеристика перекликается с «всклокоченной головой» Марка (VII, 336), его «поношенным и небезупречным от пятен пальто» (VII, 339).

³² *Скабичевский А. М. Литературные воспоминания*. С. 101.

³³ Там же. С. 195.